

Цитатный слой в массовой поэзии Первой мировой войны (К проблеме прецедентных текстов)

Тема данной статьи в какой-то степени продолжает разговор о «топосах» в литературе эпохи Первой мировой войны, начатый на материале публицистики¹.

Напомню, что речь идет о некоторых константах, «общих местах» языка той или иной культурной эпохи, которыми владеют и пользуются современники, даже находясь в разных общественно-политических станах. К первоэлементам этого общего культурного языка эпохи относятся устойчивые мотивы, символы, образы, повторяющиеся сюжеты, иерархии имен, а на более глубинном уровне — категории культуры, без которых она не может существовать. Набор топосов в каждую эпоху индивидуален и неповторим, полная смена топосов может означать конец одной эпохи и начало другой. Именно с выявления и описания этих топосов должно начинаться изучение культуры того или иного периода. Источниками их в художественной литературе обычно оказываются тексты так называемого первого ряда, попадающие в классический фонд культуры. Однако нагляднее всего они выявляются в массовой литературе, когда после многочисленных повторений они и становятся «общими местами» или, пользуясь терминологией Дж.Г. Кавелти, «литературными формулами».

Обращаясь к массовой лирической поэзии эпохи Первой мировой войны, я не ставлю своей задачей сколько-нибудь полное описание набора ее «топосов», это и невозможно в рамках статьи. Будет рассмотрена лишь одна разновидность «общих мест» — цитатный фон, повторяющиеся цитаты и реминисценции, которые тоже выполняют в стихах роль символов, формирующих общую картину мира и выполняющих определенную идеологическую и даже пропагандистскую задачу.

При подготовке статьи были просмотрены журналы 1914–1915 гг.: «Отечество», «Женская жизнь», «Русская мысль», «Новый журнал для всех», коллективные сборники «Война в русской лирике» (сост. В. Ходасевич. М., 1915), «Современная война в русской поэзии» (Пг., 1915), авторские сборники: С. Городецкий. «Четырнадцатый год» (Пг., 1915), Ф. Сологуб. «Война» (Пг.: Изд. журнала «Отечество», 1915), а также стихотворения В. Брюсова, Вяч. Иванова, З. Гиппиус, написанные в 1914–1915 гг.

Цитаты и реминисценции из чужих текстов присутствуют в стихотворениях с разной степенью эксплицитности. В наиболее очевидных случаях цитата из текста-источника является эпиграфом, элементом заглавия или оформляется графически. В редких случаях стихотворение даже превращается в открытый диалог с цитируемым автором. Более распространенный способ обращения к чужому тексту — «осколочная» цитата, как правило, без графического оформления, использование известного мотива, иногда — с полемическим переосмыслением. На вопрос, какую функцию несут повторяющиеся цитаты в «военной» лирике 1914–1915 гг., и должно ответить проведенное исследование.

Просмотр указанных источников показывает, что наиболее частотны цитаты из следующих прецедентных текстов (по степени убывания): 1) «Клеветникам России» и «Олегов щит» А.С.Пушкина; 2) «Как дочь родную на закланье...» и «Олегов щит» Ф.И.Тютчева; 3) «Дракон» Вл. Соловьева; 4) «Два великана» и «Спор» М.Ю.Лермонтова; 5) «Орина, мать солдатская» Н.А.Некрасова. Единичные случаи обращения к текстам, например «Ворон к ворону летит...» или «Казачья колыбельная», вряд ли могут быть сочтены топосами, хотя и были включены в общий список цитат.

Два прецедентных стихотворения — «Клеветникам России» Пушкина и «Как дочь родную на закланье...» Тютчева — были использованы раньше всех в связи с возникшим в начале войны «польским вопросом» и с проблемой возможного и необходимого общеславянского примирения.

Первый сквозной мотив, объединяющий художественные и публицистические тексты этого времени, восходит к знаменитому пушкинскому стихотворению «Клеветникам России», — «**семья**» (у Пушкина — «сия семейная вражда») и связанные с этим мотивом образы и даже сюжеты «**братской вражды**», «**братоубийственной распри**» и просто «**братьев**». Тютчевское стихотворение вносит мотивы трагической родственной жертвы (миф об Агамемноне, принесшем в жертву дочь Ифигению в начале Троянской войны) и надежды на будущее возрождение Польши в общеславянском мире («И наша общая свобода, как феникс, возродится в нем»). Акцент делается именно на то, что перед лицом общего врага бессмысленная вражда уходит в прошлое, а Польше предстоит возрождение.

Оба этих мотива были использованы в самом начале войны в Воззвании Верховного главнокомандующего (великого князя Николая) к полякам 1 (14) августа 1914 г., в котором Польше гарантировалась не только защита от Германии, но и будущая автономия объединенной Польши внутри Российской империи:

«Полтора века тому назад **живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступит час воскресения** польского народа, **братского примирения** ея с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, **свободная** в своей вере, в языке, в самоуправлении»².

Публицистика и художественная литература немедленно подхватили этот мотив.

Начнем со стихотворения В. Брюсова «Польше» (1 августа 1914), раньше всех обратившегося к этому мотиву. Поставив эпиграфом к стихотворению строки из стихотворения Тютчева «Как дочь родную на закланье...» («И наша общая свобода, / Как феникс, возродится в нем...»), Брюсов соединяет в своем стихотворении пушкинские и тютчевские мотивы, причем Тютчев даже преобладает. Стихотворение начинается с прямого обращения к автору эпиграфа:

Провидец! Стих твой осужденный
Не наше ль время прозревал,
Когда «орел одноплеменный»
Напрасно крылья расправлял!
<...>
Опять родного нам народа
Мы стали братьями, — и вот

Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет.

А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас: «Лазарь, встань!»

Строка из стихотворения Тютчева — «И наша общая свобода, как феникс» получает у Брюсова новое завершение: не «возродится в нем», а «правит свой полет», — хотя фактически манифест провозглашал лишь определенные политические обещания. Однако с этого момента мотивы «семьи», «братьев», «сестер», «матери» становятся сквозными в стихах, обращенных к Польше и к другим славянским странам и народам.

Стихотворение Сологуба, рисующее картину военных сражений в Польше в сентябре 1914 г., носит заглавие «Братьям». От имени поляков, покидающих разрушенные жилища, поэт говорит:

Из милых мест нас гонит страх,
Но говорим мы нашим детям:
«Не бойтесь: в русских городах
Мы все друзей и братьев встретим»³.

Т.Л. Щепкина-Куперник называет стихотворение, обращенное к Польше, «Наша младшая сестра» и тоже использует тютчевские мотивы жертвы, одновременно усиливая мотивы покаяния:

Ты, сестра, за нас страдала,
Жертва бедная, прости!
Мы твои залечим раны,
Мы должны тебя спасти.

Сборник «Современная война в русской поэзии» открывается разделом «Славянство». Помещенное в этом разделе стихотворение Александра Бахирева «Славянский гимн» завершается уже всеславянской «семейной» утопией:

Мы вместе дружную семью
Посеем правду на земле
И будем жить одной душой
В Варшаве, в Праге и в Кремле.

Мотив вражды, «раздоров», — у Пушкина ведущий! — встречается в «военной» лирике редко, и при этом вина за эти раздоры перекладывается на третью силу, намеренно ссорящую «братьев». В стихотворении Н.Б. Хвостова «Молитва славян» таким врагом оказывается «тевтонец», «шваб»:

Стучат мечи, гремят оковы,
И черно-желтый вьется флаг:
На нас грядет многовековый
Непримиримый алчный враг.

В семью славян внося раздоры,
Нас, братьев, ссоря и деля,
Себе берет он наши горы
И наши мирные поля.

Ю.В.Ревякин в стихотворении «Защита Варшавы» торжествует, рисуя крах вражеских надежд на «старые раздоры»:

Да, он надеялся, коварно-злобный враг,
Прийти и разгромить прекрасную Варшаву,
И, в мире укрепив тевтонов гордых славу,
Над Вислой светлою поднять победный стяг.

Да, он надеялся, что старые раздоры
И раны старые покажут рознь славян.
Увы, ошибся он, урок великий дан.
В минуту славную забыты все укоры.

Забыта вся вражда, и русские полки
Варшава свежими засыпала цветами
С молитвой жаркою, с горячими слезами
Там провожали в бой победные штыки. (С. 33)

Не умножая примеров, назовем еще одну усиленно эксплуатируемую цитату из «Клеветников России»: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? Вот вопрос».

В стихотворении кн. Голицына-Муравьева «Славянам», помещенном в том же разделе «Славянство», эта цитата приводится дословно, с графическим выделением, хотя и без второй строки:

Славяне, мы идем! Тот день наступит вскоре!
Когда, в сиянии любви и торжества,
Славянские ручьи сольются в русском море,
И Русь произнесет великие слова:
«Освобожденные, я к вам пришла с любовью!
Всевышний мне помог вам радость принести,
Я проложила путь для вас своею кровью,
Объединитесь все на том святом пути».

Очевидно, что там, где у Пушкина «вопрос», у Голицына-Муравьева — бесспорный оптимистический ответ. В «Сонете Червонной Руси» А. Мейснера «сливаются» уже не «ручьи», а родственная кровь, песни и степи:

Поставим стяг единой русской славы!
Единая наследственная кровь
Сольет в одно и наши песни, степи...
Страна славян, твои разбиты цепи
И ждут тебя Свобода и Любовь.

Поскольку на стороне Германии участвовала Турция, в публицистике и в массовой поэзии был реанимирован историософский миф о сакральном значении Царьграда в контексте

концепции «Москва — Третий Рим». В связи с имперскими притязаниями России на завоевание Константинополя, прецедентными текстами становятся два стихотворения Пушкина и Тютчева с одним и тем же названием и одним и тем же сюжетом — «Олегов щит». Однако, используя хорошо известный в русской культуре легендарный сюжет, авторы радикальным образом трансформируют и ре-интерпретируют его смысл.

И у Пушкина, и у Тютчева акцентировано восприятие Олегова щита на воротах Царьграда как своего рода символической преграды для агрессивного вторжения в священный город. Тютчев завершает стихотворение намеренно открытым финалом, в котором две противостоящие силы приравнены друг другу в возможности одержать победу («Глухая полночь! Все молчит! / Вдруг... Из-за туч луна блеснула — / И над воротами Стамбула / Олегов озарила щит!»). В финале стихотворения Пушкина щит останавливает перед Стамбулом русскую «рать». Мотивировано это решение темы вполне злободневным контекстом Русско-турецкой войны 1829 г., когда русская армия не стала вторгаться в Константинополь, а подписала выгодный для России мирный договор, что было воспринято и внутри страны, и в Европе как свидетельство великодушия и нравственной победы над противником. Как показали работы А.Л. Осовата и Р. Лейбова⁴, такое тематическое решение приходило в противоречие с уже наметившимися клише в патриотической лирике их современников (Д.И. Хвостов, В.Г. Тепляков, Ф. Глинка), наполненной предчувствиями падения Стамбула и превращения его в Константинополь или Царьград.

В лирике 1914–1915 гг. стихотворения, своими заглавиями отсылающие к Пушкину или Тютчеву, фактически продолжают традицию их оппонентов, пророча воскрешение православия в покоренном Стамбуле. Олегов щит в таком контексте становится знаком «военной преемственности» (А.Л. Осоват) и пророчеством будущей победы. Именно так решена тема в стихотворении Ф. Сологуба «Олегов щит», написанном еще в 1890 г., но опубликованном в сборнике «Война» в 1915 г.:

Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех пор
Олегова щита нам светит позолота
И манит нас к себе на дремлющий Босфор.

Века бегут на нас грозящими волнами,
Чтобы отбросить нас на север наш немой
И скрыть от наших глаз седыми облаками
Олегов светлый щит блистающей звездой.

Но не сдержат в горах движенье снежной лавы,
Когда, подтаяв, вдруг она летит на дол.
И Русь влечет на щит не громкий голос славы,
Но мощно-медленной судьбины произвол. (С. 24)

С. Городецкий в стихотворении «Царьград», вошедшем в его сборник «Четырнадцатый год», не только описывает будущую победу русских войск в Стамбуле («Ты будешь наш, ты будешь наш / В сию волшебную войну»), но и вписывает эту тему в младосимволистский сюжет о пленной Софии, ожидающей освободителя, забыв свои недавние «акмеистические» насмешки над идеологической символикой:

Святой Премудрости собор
Давно пленил славянский взор.
И есть давно у нас обет:

Освободить любимый храм,
И крест воздвигнуть к небесам,
А полумесяц дерзкий снять,

Пусть мир в огне, в слезах, в крови –
Надежды, Веры и Любви
Жива таинственная мать.

Пусть плен Софии — плен двойной,
Судьба нахлынула волной,
Судьба летит быстрее птиц.

Россия вновь придет в Царьград,
Кресты на храмах заблестят,
А минареты рухнут ниц.

Обзор цитатного слоя в поэзии Первой мировой войны с убедительностью показывает, что в 1914–1915 гг. была сделана попытка восстановления традиции государственно-патриотической лирики (лирика 1915–1916 гг. еще должна быть исследована под этим углом зрения), почти всегда занимавшей маргинальное положение в стихотворной культуре XIX в. При этом, обращаясь к лучшим образцам государственно-патриотической лирики XIX в., массовая поэзия Первой мировой войны по преимуществу отбрасывает какую бы то ни было проблематичность и внутреннюю конфликтность, содержащуюся в прецедентных текстах: как уже было показано, миссия России не подвергается никакому сомнению, вина за «семейственные» внутренние «раздоры» между «братьями-славянами», как и за военные жертвы, целиком перенесена вовне, современные взаимоотношения между славянскими народами рисуются в исключительно благодных тонах. Традиция не развивается, а клишируется, — и здесь главная причина того, что на первый план для историка литературы — и это убедительно показано в монографии Бена Хеллмана — выходят стихи, находящиеся вне указанной парадигмы, — Блока, Маяковского, Вяч. Иванова, Ахматовой.

Однако неожиданные дистантные влияния массовой поэзии Первой мировой войны могут проявиться и в стихотворениях, на первый взгляд совершенно не имеющих к ней отношения. Лишь один — но очень показательный — пример. Стихотворение Блока «Скифы», созданное в 1918 г. в дни переговоров о Брестском мире, — стихотворение, которое М. Волошин сразу же сравнил с одним из прецедентных текстов для лирики Первой мировой войны — пушкинскими «Клеветниками России», — не только использует метафору «семья» («Товарищи, мы станем — братья»), но и включает в себя явный отклик на стихотворение Ф. Сологуба «Светлый пир», опубликованное в уже названном сборнике «Война»:

Пора скликать народы
На светлый пир любви
Орлов военной непогоды
Зови. (С. 9)

Переключка этих строк с финалом «Скифов» не подлежит сомнению:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира.

Приведенные цитаты показывают, что разговор о формировании «военного текста» в русской лирике XX в. только начинается, и варианты его бытования в культуре еще подлежат описанию и осмыслению.

¹ См.: Магомедова Д.М. Проблема «Славянской мировщины» в публицистике 1914–1917 гг. и тема исторического возмездия в творчестве Вяч. Иванова и Ал. Блока // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика: Исследования и материалы. М: ИМЛИ РАН, 2013. С. 48–68.

² День. 1914. № 206 (2 авг.). С. 1.

³ О позиции Сологуба в «польском вопросе» периода Первой мировой войны см. подробнее: Мисни-кевич Т. «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию С.Г. Исакова. Тарту, 2011. С. 401–410.

⁴ *Основат А.Л.* «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829 г.) // Тыняновский сб. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988; *Лейбов Р., Основат А.Л.* Сюжет и жанр стихотворения А.С. Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту. IV: Пушкинская эпоха: Проблема рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. Тарту, 2007.